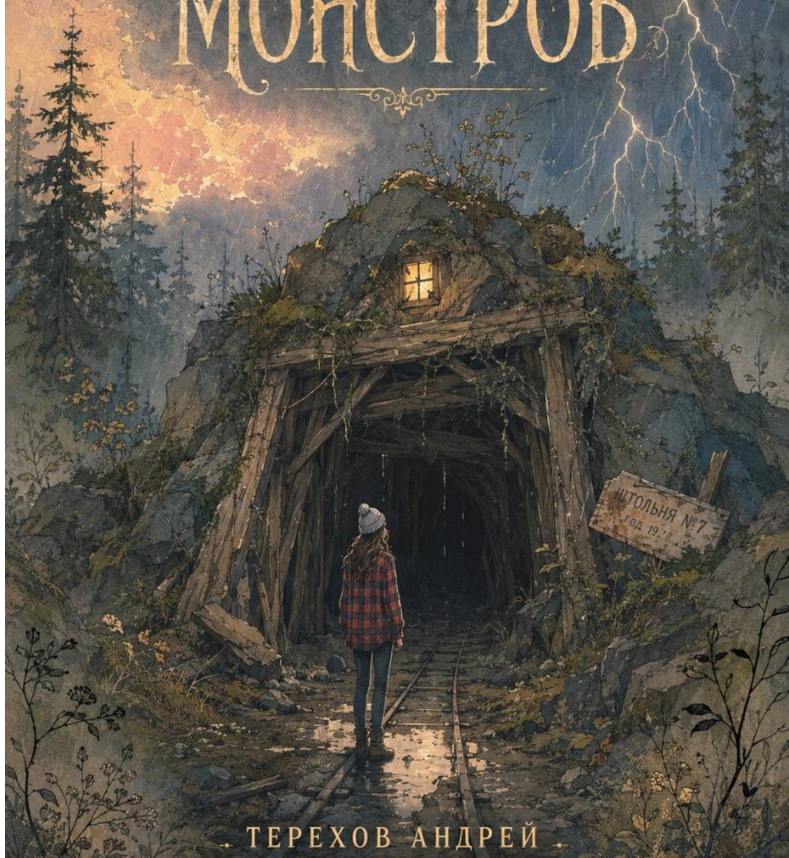

УТЕШЕНИЕ МОНСТРОВ

ТЕРЕХОВ АНДРЕЙ

Андрей Терехов

Утешение монстров

<https://litres.ru/74137208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Касси возвращается в родной посёлок после аварии и инсульта. Она не помнит последних двух лет, её тело больше не слушается, а на голове воздвиглись рога.

Единственный лучик надежды - встреча со школьной любовью, которая, возможно, ещё не угасла. Или все не так, как кажется?

Содержание

Текст	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Терехов

Утешение монстров

Текст

Это был не папа.

Порывы ветра с ревом сотрясали машину, пока мимо проносился Магадан: красно-белая телевышка, голые деревья, жгучее небо.

Касси скрючилась на заднем сиденье и переводила взгляд с блестящего затылка мужчины на город за окном. Туда и обратно, как заевшая пластинка.

Почему ее и маму забрал из больницы не папа?

Что, блин, за «Сережа»?

Возможно, если бы авария и инсульт не выбили из Касси два года памяти, она нашла бы легкое и понятное объяснение.

Но его не было. Из магнитолы ухал drum-n-bass, и в другое время Касси добавила бы себе что-то в плейлист, но сейчас музыка раздражала; в багажнике дребезжала инвалидная коляска, напоминая о хрупкости собственного тела. Дорога вихляла то вверх, то вниз, и Касси потряхивало в такт неровностям.

На желто-зелёной заправке, когда мужчина вылез, чтобы

оплатить бензин, Касси наклонилась к передним сиденьям.

— Где папа?

Мама нахмурилась и достала из бардачка слуховой аппарат. Она надела его на ухо, вставила вкладыш и щелкнула переключателем.

— Я вся твоя.

— Ты... когда ты успела отрубиться?

— Устаю от Сережиной музыки. — Мама неопределённо повела бровями.

— Где папа?!

Солнце скрылось за облаком, глаза мамы потускнели. Она нашарила пальцами полупрозрачно-розовые бусины кварца на шее и стала перебирать.

— Дочка...

— Папа... Ну... — Касси замялась, чувствуя себя глупо.

— Вы что, развелись?

Губы мамы сжались.

— Это в девятнадцатом случилось? — продолжала Касси.

— Мы с тобой поэтому поссорились?

Мама отвела взгляд, и Касси почувствовала, как к ее горлу что-то подкатило.

— Мам, не тупи! Я же ничего не помню!

Молчание растекалось по машине, затапливая салон и не оставляя свободного воздуха. Грудь сдавило, лицо покрылось испариной.

— Мам, мам... мам!.. — Касси залепетала, она не могла

остановиться, она боялась остановиться.

Мама подняла взгляд и виновато пожала плечами.

— Это тяжело, дочка. Это очень тяжело — говорить тебе снова.

У Касси затрясло подбородок. Она попыталась совладать с ним и не смогла.

— Н-нет-нет-нет!

— Думала, ты вспомнишь... — мама с досадой дернула бусы, раз, другой, они жалобно звякнули. — Не знаю, что думала. Эта больница, эти рога твои... Надо тебе что-то купить, прикрыть их.

Касси замутило, но тут дверца щелкнула, и «Сережа» залез обратно.

Захрапел двигатель, лязгнула подвеска. Касси прижало к сиденью. Снова потянулись дома, заправки, перелески, сквозь них просвечивали сизые горы и небо в редких перьях облаков. Солнце било в глаза — напалмом, до жара, до рези.

Касси подняла руки и хлопнула. Раз и другой. Третий.

— Что? — «Сережа» недовольно оглянулся. — Что такое?

— Дочка?

Касси продолжала хлопать, и руки ее то и дело промахивались мимо друг друга.

— Что с тобой?! — растерянно повторила мама.

— Ещё позже могла сказать?

Мама отшатнулась.

— Давай-ка ты с матерью повежливее! — влез Сергей.

Ладони горели и саднили от ударов, но Касси не могла успокоиться.

Сергей выругался и свернул к обочине. Касси хотела открыть дверцу, выбежать, катапультироваться к чертовой матери, но рука после инсульта не слушалась и бессильно елозила по чёрному пластику. Тут вмешалась мама, и Касси полувывалилась-полусвесилась в холодный воздух. Открыла рот...

Она смотрела на сухую землю, над которой дрожали бледные пучки прошлогодней травы, и пыталась не обращать внимания на слова мамы и «Сережи». На грани слышимости трепыхались обрывки фраз: «отец», «системный микоз», «эмфизема».

«Смерть».

Касси не плакала, не рыдала, не выла — она чувствовала тошноту и онемение, как будто ей ввели наркотик, который с небольшой побочкой блокировал все эмоции. Она просто сидела у открытой дверцы, как пассажирка в чужой жизни, и пыталась понять, вырвет ее или нет.

Рвоты не было.

Папы не было.

Тени травы колыхались на земле.

Касси представила, как выбирается из машины и бежит прочь по этой траве, по этой земле, представила недоумение мамы, когда стало бы понятно, что Касси не вернётся.

Но это было глупо. Без коляски Касси едва развивала ско-

рость пьяной сороконожки: далеко не уйдёшь, от правды не скроешься.

— Поехали, — сипло проговорила она и качнулась обратно.

Мотор заворчал, хлопнула дверца. «Хонда» помчалась вперёд. Касси ткнулась пылающим лбом в холодное окно, закрыла глаза и почувствовала на веках солнце. Она представила папу: зимний лес, искры снега, фигура с ружьем на плече.

Касси задалась вопросом: должна ли она быть грустной или виноватой? Должна чувствовать что-то еще, кроме тошноты?

Потянулся очередной городок, и мама попросила остановить машину у магазина в пятиэтажке.

На несколько минут Касси и Сергей остались наедине. Она опустила взгляд и сжимала-разжимала отбитые руки, а сердце онемело билось в груди.

Папа.

ПАПА.

Сергей прикрутил музыку и немного повернул голову вбок.

— Ну и?

Касси показалось, что она ослышалась — с таким вызовом, с таким неприятием звучал вопрос.

— Не трогайте меня. Пожалуйста.

— Просто тату набить нельзя было? На хрена ты себе ро-

га-то припечатала?

— Я не буду с вами разговаривать!

Зашуршал бушлат, закрипела кожа на сиденье, и круглая голова еще повернулась к Касси. Моргнул глаз, зелёно-коричневый, оттенка осеннего леса.

— Нашу беседу помнишь, надеюсь?

Касси молчала. В голове нарисовалась сцена из детства, когда она отказалась идти с отцом на охоту. Долгий, тяжелый разговор, который — сердце защемило — уже не вернуть. Тот разговор Касси помнила.

«Сережу» — нет.

И откуда рога у нее — тоже нет.

Туман. Пустота длиной в два забытых года.

— Кассия, етить!.. Ломать жизнь себе хочешь — ломай, но мать не трогай!

— Кассия Владимировна.

— Чего-чего?

— Для чужих я — Кассия Владимировна.

«Сережа» поперхнулся, стал поворачиваться... дверь открылась. Брызнуло весенней свежестью, и в салон протиснулась мама. В ее руках радостно шуршал чёрный пакетик.

— Сто пятьдесят рублей счастья, — сказала она, хитро прищурилась и протянула его Касси.

Из полиэтиленовых недр выпросталась серо-голубая шапка-носок. Бирка была уже оторвана, посередке шла линия сгиба.

— Красивая, — машинально проговорила Касси.

Она подумала, что цвет ужасно идет к ее глазам, а потом ее бросило в пот: шапка требовалась, чтобы люди не отшатывались при виде рогов. Конечно, обычно не люди не очухиваются с неведомо откуда взявшимися рогами, insultом и амнезией.

— Тоненькая, можно летом носить, — сказала мама.

Она очень старалась, но делала только хуже. Касси выдавила: «С-спасибо».

— Тебе нравятся же такие?

— Спасибо, — повторила Касси, как робот, и попыталась надеть «носок» вместо медицинской шапочки.

Здоровую руку затрясло, порезанная — ныла. Рога мешались, цеплялись за ткань, и Касси не справилась бы, разревелась, если бы не мама.

В который раз.

К тому времени, когда «Хонда» вскарабкалась на перевал, непогода бушевала вовсю. В паре метров ничего не было видно, и они вслепую проехали по чугунному мосту, под которым ревела и пенилась Грибядь. Запахло сыростью, болотом. За подтопленной низиной показались одноэтажные окраины Огневки, где под зеленым козырьком продуктового склеились в промокший-продрогший комок покупатели.

Касси узнала среди них Шурика и вжалась в сиденье.

Классе в пятом он взял у неё рюкзачок-ежика и сказал, что будет носить всю жизнь.

Конечно, слова не сдержал.

Касси его простила. Она всегда была хорошей девочкой, прилежной ученицей, верным другом. До десятого класса она не курила, не пила и не целовалась с мальчиками. В одиннадцатом, когда все сходили с ума по ЕГЭ, Касси захотелось всего и сразу.

С Шуриком.

Она уговорила Иру гулять с его компанией у дальника и по болотам. Касси пила с ними шампанское (сладко, пузырьки в носу) и не пьянела. Она играла в бутылочку у заброшенных штолен, но бутылочка темного стекла никогда не указывала на неё.

На выпускной Касси упростила родителей съездить за белым платьем — с разрезом, С РАЗРЕЗОМ ДО ЖОПЫ — и ждала, что Шурик позовет ее танцевать. Она побрила ноги, сделала депиляцию зоны бикини, она смеялась, искрилась, а он позвал Ленку Боронову. Касси обиделась до зубового скрежета и тщетно утешала себя, что, может, может... ну, попозже... ну, не первой — так второй или третьей... но время шло, надежда таяла. Чтобы не сдохнуть от тоски, Касси поддалась на ухаживания блондина Савельева из «Б». От него пахло солеными огурцами и вином, но он нравился маме и хорошо учился. Касси согласилась потанцевать и ещё

раз потанцевать, и дала напоить себя до вертолетов в голове, до неловких обжимашек в незакрытом классе ИЗО.

На следующий день Касси покинула Огневку немного помятым и разочарованным в себе, но все еще слепящим триумфом молодости. Савельев пытался завести роман по переписке, а Касси — забыть его на «раз-два». У неё получилось лучше. Она училась в геологическом, ее поступлением гордились родители, о ней говорили в посёлке. Может быть, и Шурик говорил...

Теперь Касси возвращалась уродливой тенью, рогатым призраком, прикованным на несколько месяцев к инвалидной коляске. Она ничего так не боялась, как встречи со знакомыми лицами, с их окисляющей жалостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.